

Были ли Шекспир Шекспиром?

Известия — 1998 — 29 мая, с. 10.

Этому вопросу москвич Илья Гилилов посвятил 30 лет своей жизни и теперь знает, кто стоял на самом деле за «самым великим из никогда не существовавших пьюей»

Александр ЛИПКОВ,
доктор искусствоведения

Шекспировская конференция, недавно проходившая в Московском гуманитарном университете, заявила о намерении выдвинуть на Нобелевскую премию Илью Михайловича Гилилова, автора книги «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса» (издательство «А.Р.Т.», 1997).

Не знаю, что там решит Нобелевский комитет, но книга и в самом деле сенсационная. В истории культуры место ей уже обеспечено.

Редко бывает, чтобы работа вроде бы сугубо специальная, литературоведческая, исследовательская вызвала такой шквал интереса: первые места в еженедельных списках бестселлеров и место в списке лучших книг 1997 года, опубликованном «Книжным обозрением», две допечатки тиража в течение полутора лет.

Речь в книге, как ясно уже из названия, о Шекспире. Что можно узнать о нем нового, когда и без того уже написаны тысячи томов на всех языках? Оказывается, можно. Оказывается, о Шекспире мы знали мало и знали ошибочно. Оказывается, уже почти как двести лет существует «шекспировский вопрос», идет спор, на самом деле тот самый стратфордский, которого мы считали Шекспиром, был автором произведений, являющих собой вторую Библию человечества. В нашей стране спор этот на десятилетия был закрыт, сначала советской властью, потом авторитетом маститых шекспироведов. Слово бы шекспировского вопроса нет и не было. Потому, к примеру, снимая с полки синенькие томики собрания сочинений Марка Твена, не ищите в них эссе о Шекспире, где высмеяно шекспировское завещание — последняя воля скряги и скопидома, без тени таланта и духовности, а сам Шекспир назван «самым великим из никогда не существовавших людей».

В недавние годы «шекспировский вопрос» перестал быть табу, и на читатель обрушились версии, предлагающие на «вакантное место» разнообразных кандидатов. Версии эти обычно появляются в газетах типа «Совершенно секретно» и «Скандалы», доверия не внушали, воспринимались досужим чтивом, культу ортодоксального Шекспира помехой не были. Появление книги Гилилова ситуацию резко меняет. Слишком она серьезна, капитальна, слишком убедительна. Гилилову уготована судьба остаться человеком одной книги — ей он посвящает всего себя, тридцать лет жизни.

Только пушкинской крылатой фразой «Мы ленивы и нелюбопытны...» можно объяснить то, что, читая творения Шекспира, с их бездонным богатством сюжетов, словарного запаса, эрудиции, культуры, познаний в самых разных сферах — современной и древней истории, военном и морском деле, нравах двора, юриспруденции, ботанике и пр., мы верили, что принадлежат они человеку, никогда нигде не учившемуся (в лучшем случае недолго посещавшему приходскую школу), не знавшему иностранных языков, не покидавшему пределов Англии, оставившему безразличными своих детей. Гилилов сфокусированно любопытен и от природы не ленив. Основная часть работы и все главные выводы сделаны им не покидая Москвы, по микрофильмам.

В стратфордского Шекспира (его для точности и для того, чтобы не путать с подлинным автором произведений, изданных под именем «Вильям Шекспир», Гилилов именует Шакспером — так, как тот записан в церковных книгах при крещении и отпевании) он не верит, и тут его союзники — десятки предшествовавших исследователей, по крупицам за сотни лет собравших вкуче внушительнейшее досье, вникнув в которое надо ослепнуть и оглохнуть, чтобы продолжать верить в прежнего идола. Но кто тогда Шекспир истинный? И зачем ему было скрывать свое авторство?

Можно, конечно, делать разные предположения (их и делали: кандидаты в Шекспира уже до полусотни), но, чтобы быть доказательным, нужны факты. Гилилов предлагает их, во многом новые, причем в количестве, какого хватило бы на целое поколение шекспироведов. Главным ключом к разгадке становится для него так называемый честерский сборник. Им давно уже интересуются шекспироведы: он включает в себя поэму

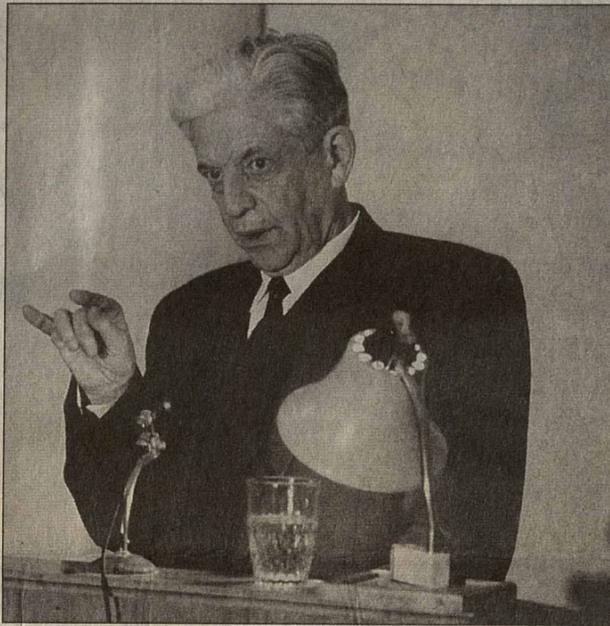
«Голубь и Феникс», самое загадочное из творений барда.

В этой и других поэмах сборника оплакивается смерть некой платонической четы, скрытой за таинственными прозваниями Голубь и Феникс, давшей миру великое поэтическое чудо. Сохранилось всего три экземпляра сборника, разбросанных по разным библиотекам мира — все с разными титульными листами либо вообще без титула. У книг — разные названия, разные даты выпуска — 1601 год, 1611 год. Считали, что это два издания одного и того же сборника. Гилилов шаг за шагом подводит к выводу, что издание одно, даты умышленно мистифицированы, чтобы запутать читателя, не дать понять, о ком идет речь.

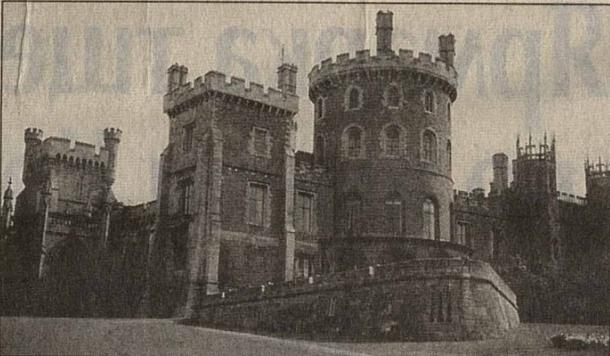
А речь в книге — о Роджере Мэннерсе, пятом графе Рэтленде, и его супруге Елизавете Сидни-Рэтленд, дочери великого поэта Англии Филипа Сидни. Они ушли из жизни в середине 1612 года. Была сделана и экспериментальная проверка вывода — простым и ост-

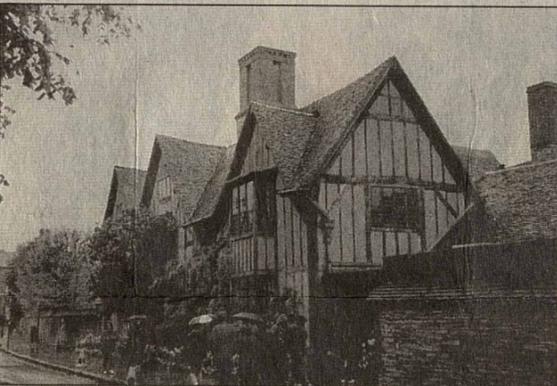
Граф Рэтленд.

Илья Михайлович Гилилов.

Замок Бельуар, родовое владение Рэтлендов.

Стратфорд-на-Эйвоне. Предполагаемый дом Шекспира.

Вильям Шекспир.

роумным способом. Гилилов предложил сверить водяные знаки двух экземпляров — из Фолджеровской (Вашингтон) и Британской библиотек. Знаки оказались тождественными. (После этой находки Гилилов, первым из российских ученых, получил грант на продолжение исследований в Фолджеровской библиотеке, центре мирового шекспироведения). Эта часть выводов Гилилова уже признана в мире. Видные английские и американские ученые считают их единственно доказательной из всех имеющихся попыток идентифицировать Голубя и Феникса. Уже одно это — огромный вклад в шекспироведение. Но для Гилилова это только начало пути...

Когда умер Шакспер, никто не заметил его смерти, никак на нее не откликнулся. Значит ли это, что Англия не чтит своего гения? Чтила. Просто гением был не Шакспер. Истинный отклик на смерть Шекспира — честерский сборник, траурный реквием в честь прекрасной четы, ролившей в своем платоническом союзе «чудо мира» — Шекспира...

Граф Рэтленд как кандидат на Шекспира возник еще сто лет назад: позднее бельгийский историк Селестен Демблон нашел немало точек соприкосновения его судьбы с шекспировским творчеством, настолько удивительных, что Пощитать их просто случайностью невозможно. Ну хотя бы то, что однокашниками Рэтленда по Палаунскому университету были датчане Гильденстерн и Розенкранц. Рэтленд был воспитанником лорда Берли, которого шекспироведы давно уже определили как прототипа Полония в Гамлете. Он был близким другом графа Саутемптона, которому посвящены поэ-

мы Шекспира, начало его творчества. Причем из посвящений видно, что автор их — человек, никак не чувствующий себя на социальной лестнице ниже вельможного графа. Оба друга увлеклись театром — тому есть документальные подтверждения. Как и Саутемптон, Рэтленд участвовал в неудачном заговоре Эссекса, своего тестя, за которого, овдовев, вышла замуж мать Елизаветы. Написание «Гамлета», а затем и других великих трагедий хронологически следует как раз за заключением Рэтленда в Тауэре, казнь Эссекса, пережитой в эти месяцы духовной драмой.

Можно еще долго перечислять моменты биографии Рэтленда, напрямую подводящие к мысли, что да, Шекспир — это он. Но зачем было гению отдавать свою великую славу прихлебателю, человеку ничтожному, в лучшем случае — заурядному. И на этот счет были свои версии. Самая распространенная та, что не к лицу было знатному вельможе связывать свое имя с ремеслом драматурга — достойным уважения оно не почиталось. Гилилов не оставляет места для этой версии. Вель фамилией Шекспир впервые подписаны были поэмы, а поэзия в Англии ценилась высоко, даже короли публиковали свои стихи. Другая версия, ходившая у нас в 20-е годы, — политическая конспирация. Мол, революционный антииспанский заряд творений Шекспира заставлял автора таить свое подлинное имя. Допустим, так. Но почему после смерти Елизаветы, при благоволившем к нему Иакове I, Рэтленд не вернул себе законное авторство?..

Гилилов не торопится с ответом. Он словно бы уходит от воп-

роса, занявшись изучением личности, казалось бы, с Шекспиром и вовсе не связанной. Томас Коризт, великий путешественник. Автор замечательных географических описаний. Странствовал по Европе, добрался до Индии. Ему посвящены труды исследователей, он значится в Британском биографическом словаре. Но слишком много странностей сопутствует этой фигуре. Почему-то он путешествовал исключительно пешком, без гроша в кармане. Почему-то при этом он останавливался в самых дорогих гостиницах. Почему-то все поэты елизаветинской Англии посылали ему восторженные панегирики на существовавших и несуществующих языках. Почему-то его принимали короли и наследные принцы. Почему-то маршруты его европейских странствий подозрительно совпадают с маршрутами графа Рэтленда.

Да, в самом деле был такой человек — Томас Коризт. Шут и пьяница, посмешище знатных господ, он никак не мог написать книг, вышедших под его именем. Гилилов неторопливо и доказательно подводит нас к тому, что книги его путешествий есть огромный раблезианский фарс, мистификация, созданная Рэтлендом и кругом его друзей. Интереснейшее явление культуры — мистификация! Сотворенный на века образ великого драматурга Шекспира — еще более грандиозный пример всей той же мистификации. К творениям Шекспира, известным нам сегодня, надо прибавить еще одно, самое великое, не знающее равных в истории культуры — комедию о Шекспире, которую, не ведая о том, уже четыреста лет играет весь мир. И вместе с другими — мы с вами...

Выводы Гилилова никогда не основываются на легендах. За каждой строкой — доскональное знание эпохи, ее реалий, судеб людей, ее творивших, их интересов, психологии, их окружения, их материального достатка. За каждым утверждением — вездельная проверка и перепроверка всей совокупности фактов.

Судьба Гилилова, скажем прямо, не из типично литературоведческих. Артиллерийским офицером прошел Отечественную войну. Может, отсюда очень личное, очень серьезное отношение к истории. Позднее работал экономистом, директором предприятия. Шекспироведением долгие годы занимался как хобби. С 1985 года — научный секретарь Шекспировской комиссии Академии наук.

Предшествующие профессии, наверное, все же отложились в характере Гилилова: он ценит точность, в аргументации скрупулезен, превыше всего — факт, истинность факта. Однажды мне довелось увидеть Гилилова в страшном гневе. «Как они смели выкинуть запятую!» — буквально в голос кричал он по поводу нового английского полного Шекспира, где из посвящения Бен Джонсона к первому фолио составители изъяли не понятую ими запятую. (А из-за нее вторая часть фразы обретает иной смысл — «И таплетс ярко сияет в своих великолепно отделанных строках»). Джонсон намеренно двусмыслен: пусть думают, что это о манерах Шекспира; посвященные поймут, что — о Роджере Мэннерсе, графе Рэтленде. Не имеет права ученый ни на запятую отойти от текста, от факта.

С Гилиловым трудно спорить, хотя спору он открыт и, более того, настойчиво приглашает к нему специалистов. Но, увы, из всех откликов на его книгу — лишь считанные единицы. Ну написал один критик: «Гилилов просто не понимает, что такое гений. Гений — это всегда невозможное». Выходит, что «гений», не зная элементарной грамматики, не зная французского, может написать на французском целую сцену в «Генрихе V». Что словарный запас, которого хватило бы на Мильтона, Бэкона и Теккерея, вместе взятых, может быть у человека, едва вышедшего каракулями свою подпись...

Идут разговоры, что вот-де, переведут книгу на английский, и тогда-то «Европа нам поможет», многомудрые западные профессора изничтожат факты, открытые Гилиловым. Пусть на это надеются, кому хочется надеяться. Кстати, переговоры об английском издании уже ведутся...

Увы, вопрос не укладывается в рамки сугубо научные. Шекспир — давно уже религия. Ему молятся, у его культа — корготы служителей; могут ли они иначе, как с ненавистью, относиться к еретикам, оспаривающему догматы их веры? Хотя на деле книга Гилилова лишь во славу Шекспира. Просто он хочет увидеть не культовую маску, а живого человека, вложившего в свои произведения опыт жизни, пережитую страсть, любовь, любовь...

Живой Шекспир... Мне повезло во время поездки в Англию (более 30 лет я занимаюсь проблемами экранного воплощения Шекспира) побывать в местах, связанных с ним. В замке Бельуар, где на стенах — портреты его и его предков, в Тауэре, где он сидел и где казнен был Эссекс, в Боттесфорде, где в старинной церкви стоят надгробия рода Рэтлендов. Когда смотришь на увенчанную короной голову отца Рэтленда, на коленах непреклонные фигуры детей, его окружающих, трудно не вспомнить слова Гамлета: «Король! От головы до ног король!» В Британской библиотеке мне повезло и держать в руках тот самый уникальный экземпляр честерского сборника. А в Стратфорде-на-Эйвоне бронзовый шут в колпаке с бубенцами словно бы направлял меня с иными туристами к «шекспировской святыне» — дому Энн Хатавей. На постаменте фигуры цитата: «Дурак думает, что он умен, но умный знает, что он дурак»...

После книги Гилилова Шекспира надо изучать заново. Уже проговаривают идею создания кафедры нового шекспироведения в одном из университетов — очень плодотворная идея!

Ну а что до Нобелевской премии, будет она или не будет, мало что меняет. Одно соотечественника Гилилова, тоже артиллерийского офицера, Толстого Льва Николаевича, Нобелевский комитет не заметил, отчего тот меньше стал. Тоже был еретик, хотя мало кто, как он, послужил Христу... ●

Постскриптум

Что в имени тебе моем...

Юрий БУЙДА, «Известия»

О нем оставили свидетельства более сорока современников, включая знаменитого Бена Джонсона и драматурга Фрэнсиса Бомонта, однако уже в конце XVIII — начале XIX века возникли сомнения в авторстве «Гамлета» и других великих пьес. Поэт Сэмюэл Колридж раздраженно заметил: «Немыслимо, чтобы такой гений мог быть сыном мясника и сам работал на городской скотобойне». Впрочем, отцом Шекспира был перчаточник.

Первая внятная версия — кто написал пьесы, подписанные именем Уильяма Шекспира, — родилась в 1856 году: автором объявила философа Фрэнсиса Бэкона. И пошло... Автор — ростовщик, заставлявший своих должников писать пьесы, которые выдавал за свои. Автор — Роджер Мэннерс, пятый граф Дерби. Автор — Эдвард де Вер,

семнадцатый граф Оксфордский. Автор — сэр Уолтер Рэлли. Литправник целой группы авторов, занимавшийся композицией и сюжетом, но стихов не писавший. Наконец, 12 мая 1924 года Британская королевская академия под председательством лорда Балфура по докладу выдающегося шекспироведа сэра Чемберса предает анафеме все домыслы, называя их «большевистской национализацией Шекспира».

Тем не менее проблема биографии остается открытой. О ней писали и пишут десятки, сотни исследователей: Найт, Барбер, Уилсон, Ричмонд, Хартивиг, Фарнхэм, Ховард-Хилл, Шенбаум... Выясняются источники шекспировских пьес, принадлежность ему тех или иных строф, актов, пьес, что не просто: в ту эпоху считалось нормой, когда драму писали несколько человек (Шекспир, например, сотрудничал с Флетчером), используя старые пьесы, баллады, хроники и не очень-то заботясь о проблеме авторства:

автором считался писатель, сделавший последнюю редакцию пьесы.

Полдживничество И.М. Гилилова, посвятившего жизнь Шекспиру, достойно всяческого почитания. Хотя, на мой взгляд, вопрос и сегодня остается открытым...

Биография Шекспира нам действительно плохо известна. Как, впрочем, и биография Гомера или Джонатана Свифта. Поэтому существовала и будет существовать так называемая «литература догадок». Чтение, как правило, интереснейшее, хотя далеко не всегда признаваемое академическим сообществом. Шекспир в англосаксонских странах — больше, чем писатель, драматург. Это неотъемлемая составляющая жизни. Химия национального характера. Как у нас — Пушкин. Можно понять возмущение британских филологов, когда они сталкиваются с биографическими версиями, принадлежавшими пациенту дома для душевнобольных или бельгийскому парламентарно, американско-

му судье или полковнику колониальных войск... Но тем не менее это всегда явления культуры.

Nomen est omen. Имя есть знамение. Эта идея особенно важна для иудеохристианской цивилизации, Бог которой — уникальный в истории случай — создал мир путем имянаречения. Назвал — и мир явился из ничего.

Поэтому поиски человека, который написал «Илиаду» или «Гамлета», никогда не прекратятся.

Можно, однако, посмотреть на проблему с иной точки. Да важно ли, кто автор? Много лет назад известный английский эссеист-парадоксалист Хэзлит написал: «Шекспир был как все люди, с тем лишь отличием, что не был похож ни на кого. Сам по себе он был ничто, но он был всем тем, чем были все люди или чем они могли стать». Для человека важна судьба, в истории остается имя. Миф, символ, знамение. ●

Мессенджер Яковлев

29.05.98